

Адвоинженер

**Из коридора
в коридор
или секрет
маленькой
Амалии**

А dvoинженер

Из коридора в коридор или секрет маленькой Амaлии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8374957
ISBN 978-5-4474-0233-4*

Аннотация

Герои, инженеры-физики, внезапно для себя оказываются на страшно засекреченном объекте № 0, где идет строительство военного супер-лазера. Результатом испытаний лазера должен стать взрыв страшной мощности по обе стороны океана, который уничтожит и сам объект № 0, и всех его обитателей. Однако в процессе запуска супер-машины герои обнаруживают физическую аномалию, которая, в конце концов, позволит им спастись.

Содержание

Предисловие первое, предпоследнее	5
Из коридора в коридор	6
Зал иностранных делегаций	11
Декаданс	22
Супер-лазер	27
Жизнь налаживается	33
Квятковский	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Из коридора в коридор или
секрет маленькой Амалии
Текстуальный
джаз «Алколит»
Адвоинженер**

© Адвоинженер, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Предисловие первое, предпоследнее

Господа, перед вами текст, сложенный многими причинами, но малыми усилиями. Писано под музыку «толстых» в свободное от безделья время. Да, признаю, и это факт бесспорный, что в поэме кроме близкой сердцу ненормативной лексики и слэнга 80-х, встречаются слова и выражения вполне обычные, почти скучные, однако необходимые для воплощения замысла, сути которого, автор до сих пор не понимает.

с уважением

V. ADVOINGENER

Из коридора в коридор

Я, тот самый я, которого знаю с детства, который ненавидит все прекрасное и прелестное, тот я, для которого «театр» и «преисподняя» синонимы, а белый лебедь на пруду – вершина всех искусств, оказался на сцене...

О, госпадя, ладно... сциена так сциена, что там у нас. В углу двое каких-то молодеющих чуваков умного вида сосредоточенно копошили аппаратуру. Центр занимал стол под красным сукном – не иначе президиум, и... Ура! Я впервые увидел рампу, увидел грубо, зримо. Увидел и проникся...

– Вам чего – это была та самая «очковая» борода из угла с аппаратурой.

– Вадика не видели?

– Он там – борода немного всплыла над колонкой

– Где?

– Там – махнула борода, при этом, очки и нос снова погрузились внутрь динамика.

– Блять, я же просто так спросил, мне на хер ваш Вадяй не сдался!

– Они в буфете, пиво пьют.

– Понятно.

Я стоял и думал – что правильнее – вернуться в коридор, найти парикмахерскую и сесть рядом с Ленкой... или, пойти

в буфет, застать там двух пьяных идиотов и попытаться доказать им, что в рабочий день положено пить не отходя от кассы. Ленка – баба аппетитная, добрая и пьет весело, а Вадя и Сявик – мудилов законченные.

– Как в буфет попадают в этом царстве тьмы и печали?

– Молодой человек! – голос принадлежал даме.

В каком бы состоянии я не был, но отличаю баб по головам на раз. Чу, кто-то кашлянул, но знаю – это она, не в том смысле, что единственная и неповторимая, а просто – особа женская.

– Весь ваш, незнакомка, томим томленьем упования, горю невиданной звездой, и наслаждаюсь миготом чудным от всех чудес преображения.

– Пойдем, отведу, меня зовут Лариса.

– Не слышал в это утро слов прекраснее, чем «Лариса». Я счастлив, обновлен, пристыжен, скован, сперва Вас за «Ирину» посчитал.

– Давно пьете?

– Мадам, тот вечер был залит воспоминанием, нахлынуло так много, сжимало сердце, грудь давило.

– Что пили господа?

– Столетний «Арманьяк», настоенный на корочках лимона и скорлупе ореха Кракатук.

– Пришли! – она толкнула дверь, и...

...Солнце, такая масса солнца хлынула в меня...

В углу стояло пианино, буфет на восемь столиков был пуст, но... в уголке дремали два безобразных тупа, которых при рождении нарекли Вадимом, Вячеславом.

– Шампанского, Лариса, прошу, – не откажите, за столь приятное знакомство благодарю Аврору, лично Ильича.

– Пожалуй, только у меня репетиция.

– И я умру в театре, вот просто лягу там, в углу напротив сцены, и буду обожать театр, а пуще ту, которая сразила.

– Ну, давай, за знакомство.

– А можно, я буду любоваться солнцем, пропущенным стаканом сквозь дивный голос, и буду каждый звук снимать глотком искристого напитка. Но прежде, сяду там, на расстоянии метра, чтоб не смутить, не бросить тень, не оскорбить, знакомством не унижить.

– Чем занимаешься, поэт?

– Внимаю, звук ловлю и наслаждаюсь обретением смыслов.

– Разве на работу не надо сегодня?

– Сегодня, – что есть сегодня? – сегодня слово, равное вчера. Нет, сегодня мир так грубо вторгся и так меня перетряхнул, что я оставил жалкие потуги посчитать секунды. Сегодня все твое, мне можно не на Вы?

– И... что ты предлагаешь?

– Соединить усилия, отпраздновать приход театра в убогую каморку-келью заблудшего и одинокого в плаще.

– Интересное предложение.

– Один кивок, – шампанское, цыгане, Бродский...

– Ну, хорошо, я в шесть свободна буду, ты придешь?

– Я не уйду, а лягу у порога, неслышно растворюсь в огнях: я – тень, я – импеданс, я – горло.

– Смотри, я буду ждать!

– Уже пришел не уходя, уйду, чтоб снова возвратиться.

– О, какие люди в Голливуде! – Сявик грубо тормозил второго ангела смерти

– Вадяй, морда пьяная, смотри, у нас гости!

Ангел открыл глаза, посмотрел на меня, потом на Ларису, уставился на стол – Дай стакан, деревня! Я вижу с нами дама.

И... у меня есть, что сказать под выпить.

– Говори, честный старик, только без грубостей.

Вадик встал во весь свой хрупкий рост:

...Прорывом объективированного мира является не только подлинное человеческое общение, но и, извиняюсь за грубость, сфера собственно творчества. Истинная коммуникация, как и творчество, несут в себе трагический надлом – мир объективности непрестанно грозит разрушить экзистенциальную коммуникацию.

И сознание этого приводит нас к утверждению, что всё в мире, в конечном счёте, терпит крушение уже в силу самой

конечности экзистенции, поэтому человек должен научиться жить и любить с постоянным сознанием хрупкости и конечности всего, что он любит, незащищенности самой любви.

Но, государи мои, глубоко скрытая боль, причиняемая этим сознанием, придаёт нашей привязанности особую чистоту и одухотворённость...»

Выпьем, господа, и всплакнем о замкнутости нас в самих себе.

Зал иностранных делегаций

Пришлось выпить, ибо не выпить, не было никакой возможности. Сгенерировав тост, Вадяй пал, расчувствовавшийся Сявик принялся горячо обнимать буфетчицу, я думал о незащищенности любви и плакал, а Лариса задумчиво смотрела в окно. Вдруг из репродуктора прозвучал голос, как две капли похожий на глас самого Левитана

...Группа неразрушающего контроля, срочно пройдите в зал для иностранных делегаций. Повторяю – группа неразрушающего контроля, срочно пройдите в зал для иностранных делегаций...

– Везет же некоторым – сказала буфетчица – ни разу в жизни не была, Нинка рассказывала, – там все есть, и тебе джинса, и фирма: жвачка, мальборо, тряпки

...Повторяю, группа неразрушающего контроля...

Я выглянул в окно и обомлел – самолеты – большие, маленькие, разные – голубые, красные, кружились в плавном танце.

– Ба, Санта-Розалинда, это-ж аэропорт!

– Гыыы, вот блин, ищут какую-то группу, тащат их силком в рай, а эти *****и бухают где-то и в ус не дуют. Да, моя

хорошая?! – Сявик усадил буфетчицу на колени и баловал из своего бокала шампунью.

Вдруг меня пронзило.

– Сява, похоже, я знаю этих *****ов.

– Да ладно, откуда?

– Откуда?! Это мы, придурок, это нас – идиотов ждут в зале для избранных, – тебя, меня и этого, как его... – я щелкнул пальцами

– Вадю! – подсказал испуганный Сявик – Иди ты! Нас, зачем нас... не может быть?! – Он осторожно снял с колен застывшую буфетчицу – *****ец, во, попали!

– Ротаааааааааааа, паааадъем! – в буфет ворвались трое военных – на сборы 45 секунд, неподчинение – расстрел.

– Ты мне позвони, обязательно позвони, слышишь, я буду ждать – я обнимал Ларису, а она горячо шептала мне на ухо – слышишь, не пропадай, обещаю, что найдешься...

Вадяй принял горизонтальное положение, а Сявик лихорадочно пытался добить из горла шампань.

– Финита ля комеди, допрыгались супчики, с вещами на выход!! – радостно орал офицер, – бабы, если они настоящие, дождутся... Не плачь девчоонка, прайдут дажди...

Офицер выстроил нас по росту, скомандовал – на-а-а-пр-а-а-в-у-у, а-а-а-гом а-а-арш! – и мы с эскортом двинулись навстречу светлому будущему.

– Стой, смирнааааааа! Привести себя в порядок. Нас остановили перед входом в святая святых.

У огромных дверей, отделанных дубовыми панелями, стояли часовые в парадной форме с полной выкладкой. Я пригладил волосы, застегнул пару пуговиц на рубашке, Сява подтянул штаны, а Вадик продолжил разглядывать потолок. Наконец двери открыли и нас отконвоировали внутрь.

– Бляха муха! – Сявик не смог сдержать удивления.

И правда, перед нами возникли Грановитые палаты, – один в один. Скажу по секрету, я никогда этих палат не видел, даже открытки не смотрел, но по моим представлениям они нисколько не уступают Янтарной комнате. Роскошь убранства, великолепие интерьера, золото инкрустаций, – все это производило злоеющее впечатление – символика властвования, вплетенная в орнаменты и узоры, начисто подавляла всякую иную эстетику и создавала ощущение урочища тьмы.

– Стой, на-а-а-пр-а-а-аву-у! – снова осмотрели, удовлетво-

ренно хмыкнули, и препроводили далее.

Таким макаром мы прошли семь постов, два КПП и один специальный пункт досмотра, где всех раздели догола, заодно забрали авоськи с шампанью, пообещав вернуть на выходе. Вадя долго прятал за спиной фляжку, но и ее отобрали. Наконец завели в маленькую комнатку, выкрашенную в зеленый цвет, и сказали, что сейчас будет инструктаж.

– Сява, – обратился к нему Вадик – ты главное молчи, квакнешь еще не туда, за милую душу пятеру огребешь.

– Не учи отца ебацца – буркнул тот в ответ – сам знаю, не маленький.

Через какое-то время в комнату вошел подполковник, хмуро поздоровался и сказал:

– Так, сейчас вас представят на особую комиссию. Там вам дадут поручение особой важности и, что самое главное, особо секретное. Подпишите здесь и зарубите себе на носу – за разглашение расстрел, без всякого суда. Вопросы?

– Вадя, какого хуя ты им фляжку отдал? – очень кстати вставил Сявик.

– Еще вопросы – нет, хорошо. Расписывайтесь!

Мы расписались, и подпол ушел.

Снова под конвоем повели обратно – через семь постов,

два КПП и специальный пункт досмотра – раздели, одели, вернули фляжку, авоськи с шампанью. Затем вывели обратно. Куда? – прально, в Грановитые палаты.

– Можете присесть, вас вызовут

Мы сели на Грановитую скамейку и пустили фляжку по кругу

– Интересно, где тут буфет? – обратился Вадя в пространство

– Пей, давай, Хайдеггер хуев! Если бы не твой тост, нас бы не повязали

– Че матерись, какой на*** Хайдеггер?

– Совсем уже... ты, когда тост говорил, кого цитировал?

– Большую советскую энциклопедию. Я искал там слово "***», наткнулся на странный текст. Видать, пьян был не по-децки, сдуру заучил, – ну, чтоб было чем выебнуться.

– Дебил, он же враг всего прогрессивного!

– Кто, ***?

– Хайдеггер. Фашист он, Заратустра недобитый.

– А ты откуда знаешь?

– Бля, пили тут с одним. Кароче, пошли с Маскаем в каптерку, бахнули поллитру – мало. Ваня позвонил куда-то, мы поперлись за добавкой. Пришли, а там кафедра философии, представляешь. Вышел мужик, спирт за пазухой прячет. Мы ему – мол, давай, чего тянешь. А он – ребята, возьмите меня, я, типа в завязке, хоть нюхнуть, на вас посмотреть. Чуть не плачет. Сжалились, взяли – ну, он и нюхнул... Все мозги

проебал этой философией.

– Так ты теперь экзистенциалист? Жан Поль Сартра лелеешь в кармане, а Маркса предал?

– Не трогай Карлу. А Жан-Поль, чтоб ты знал, за социализм с человеческим лицом выступал. Кстати, нюхач говорил, что у него сифилис был

– У Сартра?

– Бля, причем здесь Сартр, у нюхача. Утверждал, что заразился без всякой еб..., без всякого сношения.

– От святого духа?

– Не, от телки какой-то, но воздушно-капельным

– Понятно, хорошо, что от телки.

– А дальше... дальше че было?

– Дальше... дальше мы заняли еще 250 грамм и в баню занырнули.

– Это прально, под спирт – баня за милую душу. Эх, счаз бы...

– Смирнааааа, отставить флягу, для прохождения комиссии, шахг-о-о-о-м арш!

Мы оказались в особо овальном кабинете перед особо гигантским столом, за которым заседало особое совещание.

– Родина выбрала вас для выполнения особо важного задания. Надеюсь не надо объяснять, какого уровня доверие вам оказано – председательствующий строго поглядел

на нас.

– Особое... служу советскому союзу – проблеял Вадяй.

– Хорошо, вас отправят на секретный объект номер ноль, где вы, в составе других товарищей, должны в кратчайшие сроки создать новое супер-оружие оборонного значения. Вопросы?

– Там бабы есть? – ляпнул Сявик.

– На объекте номер ноль есть все, что необходимо для решения наиважнейшей государственной задачи, понятно?

– Так точно!

– Вылетаете через 14 минут, с вашими родственниками мы уже попрощались. Дальнейшие инструкции получите в самолете. Майор Симеонов вас проводит, желаю успехов.

Майор подал знак, и нас вывели. Пройдя еще пару КПП, мы оказались пристегнутыми к скамейкам военно-транспортного самолета. Симеонов раздал противогазы и сухой паек.

– Слышь, майор, плеснуть бы не грех, а?

– Успеется!

– Ага, как же, знаю я вас, гуманистов. Мы тут жизнями рискуем, сам знаешь, на какой объект летим, кругом враги, а родина не может своих лучших сынов остограммить.

– Ладно, только по-быстрому – Симеонов протянул фляжку.

– Вот, совсем другое дело, теперь хоть на Марс.

Меж тем самолет вырулил на полосу, разогнался и...

...После набора высоты вам будут предложены прохладительные напитки и легкий завтрак, приятного полета...

– Вадя, фляжка у тебя?

– Спокуха, Дункель, а куда-б ей деться.

– Давай скажем, что в тубзик надо, там и покурим.

– Эй, служивый, где тут эм-жо?

– Прямо и направо, за занавеской.

Пока Вадя и Сявик отсутствовали по первейшей надобности, я думал. Думал о Ларисе, о том, что наше внезапное знакомство не могло быть простой случайностью. Ибо перед тяжелыми испытаниями обычно ниспосылают знак или сон, который подлежит пристальному изучению и толкованию. Лариса не была сном, значит, она или знак, или перст судьбы. – И... что мы имеем? – ни телефона, ни адресочка, – вот болван. Как мы порой безрассудны и наивны, как беспечны, как неосмотрительны. Знать бы, что родина задумала, так отсиделись бы в подвале у Ефимыча. Можно было с собой Ларису взять. Травили бы себе анекдотцы, попивали бы спиртик, смотрели бы съезды партии – чем не судьба? Нет, понесло в театр...

– Пить хочешь? – Симеонов протягивал мне фляжку

– Аперитив?

– Он самый!

– Спасибо, товарищ! – я изрядно отхлебнул.

– Ученые?

– Вроде как.

– Уважаю – он снова протянул сосуд

– Долго лететь?

– Да, пес его знает... каждый раз по разному маршруту летим, военная хитрость, понимаешь?

Я понимал. Понимал все, понимал Симеонова, этого пыльного майора, который летает и водит конвой и у которого в бумажнике есть фотография какой-нибудь Насти, а может и сама Настя. Скорее даже так, – и Настя есть, и Наташа есть, и он, бедняга, меж двоих мучается.

– Как Настя?

Майор остолбенел, потом долго и мучительно кусал губы, наконец, произнес хрипло:

– Я не знаю, кто ты такой, но раз родина тебе доверяет, то и я доверяю. Понимаешь, у меня проблема огромная, даже не знаю, с чего начать.

– Наташа?

Симеонов впал в ступор и не откликнулся на простые сигналы. Я взял из его рук фляжку, глотнул, потом приставил ее к губам майора и скомандовал:

– За Родину! – Майор послушно хлебнул, закашлялся,

но ожил.

– Как, ты и про нее знаешь?

Я знал...

Знал всех Наташек и Настен, Ларис и Ирин, не лично, но хорошо. Потому что любил их. Любил искренно и страстно. Нет, не в натуре, конечно, не в физиологическом смысле – душой. Был открыт, ждал, мечтал, надеялся и верил. И в ответ на искренность желаний они появлялись. Каждый раз, когда душа тосковала от одиночества и взывала к спасению, они оказывались в непосредственной близости.

Казалось бы, нет никого вокруг, а хлебнешь туману, представишь себе пустынный берег на пороге уходящего дня, и... Вот она, вся такая близкая и сказочная, манящая и воздушная, – только руку протяни. И представала не из пены морской, не из пьяного сновидения, но вдруг, внезапно, просто откуда-то из ниоткуда.

Появлялась, потому что позвал истово, всей душой, со всей силы могучего крика, идущего из глубины надеждой тронутого сердца. И позвал не для утех и сладострастий, не для самовозвышения и похотливого восторга, а звал, поскольку не мог иначе, поскольку ощущал в ту минуту свою близость с той, которую не видел, но которую готов был принять целиком, и... она, вся такая сказочная и далекая, манящая и земная, уже шла рядом.

Почему, ну, объясни мне хоть ты, замшелый придурок, Симеонов, почему мы так боимся самого лучшего, что мо-

жет дать нам небо – женщин, тех самых Наташ и Настен.

Почему мы тупо утыкаемся в стакан или в пошлый анекдот, когда ее появление практически неизбежно.

Кому нужен мужлан с перегаром, который врет о своих генитальных достижениях? – Никому, слышишь, Симеонов, – длина нашего протооргана не имеет значения, как не имеет значения ширина плеч, окружность груди и размер яиц.

Запомни, майор, не в этом дело. Выбрось из головы казарму, сальный юмор отцов-командиров, скабрзные намеки приятелей. ***ня все это, причем, ***ня полная.

Ощути в себе не комиссара с наганом наголо, но мужчину с душой открытой и разумом незамутненным.

Отринь, Симеонов, всякое слово, что не имеет отношение к любви, убери из головы сталь и броню, вылезь, блять, из своего блиндажа, сними каску, поставь ружо. И закрой, наконец, боевой устав пехоты – ты же устал от него, майор.

Отпусти себя на волю, солдат...

Декаданс

Плач по майору отправил меня в мир грез. Сначала мне приснилась Наташа. Шел снег – белый, мягкий, несуетный, и я шел вместе с ним, шел по длинной аллее, снегом окутанной, перспективной запутанной, но твердо шел, точно зная куда идти.

Она задумчиво сидела на скамейке. Я сел рядом, положил ей руку на плечо: «Ты жди его, Наташка, он обязательно вернется – только очень жди!» – встал, взял под козырек и удалился – весь неузнанный и загадочный.

Затем, на городском причале, повстречал Настю.

Ах, этот знойный, летний полдень. Морской ветерок развеивал ей волосы, а она... она все смотрела вдаль – туда, туда, за линию горизонта. Я грубо обнял ее, развернул к себе и хищно поцеловал в губы.

– А я и не знала, что любовь может быть кусачей.

– Настя, милая Настя, этот поцелуй – проверка. Ты не должна этого делать – скажи мне да, – и я уйду навсегда, скажи нет, – и я паду пред тобой на колени

– Нет, конечно, нет! – сказала Настя и нежно поцеловала меня в лоб.

– Ты же понимаешь, что мы не можем, просто не имеем права быть вместе.

– Я понимаю, но мне все равно.

– Спасибо, Настя, ты прости меня!

– Тебе надо идти, Симеонов?

– Родина, зовет, э, друг, проснись, тебя спрашивают – по-
соловевший Симеонов тряс мое плечо

– Кто?

– Там – он махнул рукой – иди и не бойся, я прикрою тебя,
товарищ.

...Группа неразрушающего контроля, срочно пройдите
в первый салон, вас ожидают, повторяю, группа неразруша-
ющего контроля, срочно...

– Идем, идем, вот только найду товарищей по несчастью.

Ангелы смерти нашлись в служебной комнате. Сява неж-
но ворковал со стюардессой по имени Жанна, а Вадик под
гитару вел заунывную партию норвежского гостя:

«... мама, милая, мама, я тебя не ругаю...»

– Пили?

– Только за знакомство, вот те хрест!

– Ладно, тогда по маленькой, и...

«... что меня ты так рано в двк отдала. я сегодня с дру-
зьями, мама, жисть иную встречаю, и прошла незаметно зо-
лотая пора...»

– Вадя, кончай, мы нужны родине, не время распускать

нюни!

– Пусть еще споет, пожалуйста – в помещение вошли две стюардессы – у нас перерыв пятнадцать минут, генерал никуда не денется.

– Раз дамы просят, Вадимчик, пригладьте вихры, смойте слезы и вдарьте боевую.

– Я хотел расстрельную – улыбнулся Вадя – боевую сам чеши. Я же уклонист, забыл?

... Спи Семен, спи, – спи, понимаешь, спи. Мент приедет на козе, захуячит в капезе...

– Давай, лучше окурочек.

– Да-да, пожалуйста, Вадя, спойте окурочек.

Я сел на пристяжное кресло, Сява разлил всем, усадил Жанну на колени, а Вадя затянул

«... Из колымского белого ада Шли мы в зону в морозном дыму. Я заметил окурочек с красной помадой И рванулся из строя к нему...»

Сколько лирики прошло лагерным путем, даже подумать страшно. Что мы, кто мы без лагерей и колоний. Великая родина все самое лучшее получала оттуда. Можно было получить это и отсюда, но родина не могла допустить даже малую вероятность ошибки. Человек на воле мог себе позволить слабость, каприз, болезнь. А там... Наверно, – это и был

план ГОРЛО, – чтоб всех нормальных смешать с лагерной пылью в обмен на величие момента

«... Баб не видел я года четыре, Только мне, наконец, повезло. Ах, окурочек, может быть, с Ту-104 Диким ветром тебя занесло...»

Милые вы мои, совграждане великой страны, сколько-ж нам осталось наслаждаться? Быть обращенными внутрь и ненавидеть наружу. Ребята, нутро долго в неволе не сохраняется. Если вы думаете, что жрачка и бухло – есть предел мечтаний, то вы правы. Но если вы думаете, что это не так – вы правы вдвойне. Хитрость заключается в том, что это так и не так одновременно. Мир, – он никак не может быть подогнан под нашу убогость. Вернее так, под убогость можно подогнать господствующее представление о мире, но не сам мир. А уж под господствующее представление можно подогнать всех тех, кто «господство» за благо почитает.

«... И жену удавивший татарин, И активный один педераст
Всю дорогу до зоны шагая, вздыхали, Не сводили с окурочка глаз...»

Нельзя прятать чувства в оболочку безразличия – чувство там не сможет ни удержаться, ни выжить. И ум невозможно припаять к идиотическому. Вы мне скажите, что форма

содержательна, а содержание оформлено. Что они – форма и содержание – находятся в диалектическом единстве. Они-то да, а вот мы, человеки... В каком единстве я должен находиться с доносом на меня, а? – Принять и возлюбить того, кто мне подарок решил преподнести.

«... С кем ты, стерва, любовь свою крутишь? С кем дымишь сигареткой одной? Ты во Внукове спяну билета не купишь, Чтоб хотя б пролететь надо мной...»

Если у тебя отнимают каждый день все то, что ты любишь или полюбить готов, то... Я в единстве с кем должен быть – с тем, кого отняли или с тем, кто отнял. Пятая печать, скажите. Отсутствие свободы выбора, бла-бла-бла. Нет, дорогие мои, – то страх, обычный страх перед тем, что больше меня, перед гребаной социальной системой. И все, просто страх. Поэтому лагерь, место хуже которого нет, оказался последним оплотом свободы. Дальше боятся некуда.

«... В честь твою заряжал я попойки И французским поил коньяком, Сам пьянел от того, как курила ты „Тройку“ С золотым на конце ободком...»

– Какой декаданс, какие люди, какие дамы! – в дверях стоял сам генерал, собственной персоной – Ар-р-решите войти и выразить честной компании свое почтение.

Супер-лазер

– Просим, милости просим, товарищ генерал, присаживайтесь – засуетились стюардессы.

– Спасибо, я на минутку. Вы продолжайте – пейте, веселитесь, я ненадолго украду молодого человека – тут генерал повернулся ко мне – но сначала выпьем за встречу и за милых дам! – он поднял стакан – не возражаете?

– Сделайте одолжение.

– Тогда, уделите мне минутку вашего драгоценного времени, господин «экзистенциалист», – генерал похлопал меня по плечу и глазами показал – мол, все, пора – я правильно произнес?

Я поднялся, выпил – экзистенциалист вообще-то, впрочем, не суть.

– Прошу, проходите, пожалуйста – генерал любезно пропустил меня вперед – я в курсе за Камю, и Шестова читал, давненько, правда, это было...

Первый салон напоминал мягкий вагон. Собственно, все было как в мягком: коридор, купе, диваны... Только купешек было не десять, а всего три. Мы зашли, генерал сел на один диван, мне указал на другой, – аккурат, напротив.

– Что угодно-с, Камю для разогреву, а может, капельку Абсента?

– Я бы предпочел Армянский, три звезды

– Молодец, уважаю! – генерал нажал на кнопку – Жанна, душенька, дай нам Армянского с лимончиком. Да, еще пачку Мальборы.

Через минуту появилась Жанна – вся накрахмаленная, сияющая, свеженькая.

– Пожалуйста, коньячок, я сразу в графинчик налила, как вы любите, лимончик порезала, орешки, сигареты...

– Спасибо, милая! Чтоб я без тебя делал. Ух, смотри мне, проказница – генерал шутливо похлопал стюардессу – скинуть бы годков двадцать пять...

– Вы, я вижу, – обратился ко мне генерал – не очень удивлены происходящим. Это похвально. Но, позвольте полюбопытствовать, отчего?

– Пожалуйста. Собственно, – чему прикажете удивляться? Меня никто ни о чем не спрашивает, берут как чемодан, куда-то несут, везут, открывают, закрывают – вещам удивляться не положено, вот я и наслаждаюсь.

– Вам не интересно, куда Вас везут, зачем, почему именно Вас?

– Если бы от меня что-нибудь зависело, а главное, – ес-

ли бы я эту зависимость сознавал, ощущал связь с великой задачей, гордился бы этим доверием, – то да, конечно, было бы интересно. А так... сейчас мы пьем коньяк, а через пять минут меня поставят лицом к стене, отберут исподнее, что-нибудь еще сотворят на благо родины.

– Ну, зачем так. Вас ведь вежливо пригласили, по всей форме.

– Под конвоем-то... Ладно, спасибо за приглашение, хоть выпью доброго коньячку с вежливым товарищем генералом.

Мой собеседник широко улыбнулся – Спасибо за комплимент. Вы не стесняйтесь – пейте, закусывайте, а я меж тем доведу некоторые подробности.

Я кивнул, налил и приготовился слушать.

– Все просто. Нам нужен супер-лазер, самый мощный в мире, и мы хотим, чтобы Вы поучаствовали в его создании

– И все?

– Почти. Лазер этот особенный. Подробности здесь – тут генерал вынул из портфеля черную папку и помахал ею – Успеете ознакомиться. Мы знаем, что ваша группа умеет мощность вытягивать.

– О, господя, делов-то. Сделали бы свою громадину, позвали бы, налили – мы бы вытянули вам вашу мощность.

– Не все так просто, уважаемый. Знаете, Вы пока полистайте материал, ознакомьтесь. Есть правда одно но – генерал сделал паузу – никто, даже ваши коллеги, не должен

знать того, что здесь написано. Когда вас доставят на объект, каждый получит свое отдельное спецзадание. Однако... руководство настояло, чтобы я Вас ознакомил с этим – он протянул мне папку.

Через каких-то полчаса я закрыл последний лист. Генерал все это время терпеливо сидел напротив, курил и прихлебывал коньячок.

– Вопросов нет?

– Нет.

– Совсем нет?

– Совсем нет.

– А Вы внимательно со всем ознакомились?

– Весьма внимательно.

– И поняли, что Вас ждет?

– Понял.

– И нет ни одного вопроса?

– Я же сказал «все понял». Поэтому... какие уж тут вопросы, спасибо за коньяк

– Ну, хорошо. Скажите, мне просто интересно – Вам наплевать на свою жизнь?

– Нет, отнюдь, ни в коем случае.

– Не понимаю.

– Чего?

– Ну, при таких обстоятельствах, люди обычно пугаются,

начинают нервничать, требовать, протестовать, отказываться.

– И... что дальше с людьми происходит? Вы возвращаете их, куда – домой, на рабочее место, в театр или может, прямо в Гагры?

– Нет, конечно. Сами понимаете, вернуть мы никого не можем.

– Тогда чего вы от меня хотите?

– Понять хочу, что вы за человек.

– Зачем, ну, вам-то это зачем? Мы же материал расходный, задачу решим и... поминай, как звали, – под списание попадаем.

– Даже не знаю, считайте, что я Вам симпатизирую, что Вы мне не безразличны...

– Послушайте, генерал, давайте просто допьем коньяк и разбежимся по своим коридорам. Вы с докладом, наверх, я со своим архиважным заданием – вниз, в подвал. Вы будете решать задачи войны и мира, судьбы родины и ее светлого будущего, а я – как поднять мощность дурацкого лазера и не сдохнуть, раньше, чем вы из него пальнете.

– Вы, по-моему, так и не поняли всей грандиозности замысла.

– Да мне плевать на грандиозность, а замысел вполне очевиден.

– Вы безразличны к судьбам страны, планеты?

– А Вы? Если не сможете ответить нормально, лучше

не отвечать.

– Я нет. Для меня Родина не пустой звук. Знаете, сколько войн прошел – четыре.

– Для Вас, генерал, «человеки» пустой звук, для меня – «родина», зато коньяк нам нравится одинаковый. По первому пункту у нас неустранимые расхождения, а по второму полное согласие. Подеремся, поцелуемся?

– Я читал Ваши работы в области лазерной термоупругости, впечатляет.

– Не могу похвастаться тем же. Вы видно по секретным изданиям шли?

– Нет, я больше по командирской части. Ладно, надеюсь, мы друг друга поняли.

– Благодарю за оказанный прием, товарищ генерал. Приложу все силы, постараюсь оправдать высокое доверие, живота не пожалею...

– Гм. Смешно. На посошок?

– Как прикажете.

...Внимание, через 20—25 минут наш самолет совершит посадку в аэропорту номер ноль. Просьба всем пассажирам занять свои места, привести спинки кресел в горизонтальное положение и пристегнуть ремни, приятного полета...

Жизнь налаживается

Следующая пара дней ушла на хлопоты.

Во-первых, переселились из самолета в общежитие семейного типа, – получили четырехкомнатную квартиру на троих. Удобно. Дежурить договорились по очереди, раз в три дня. Дежурный должен был встать пораньше, включить чайник, разбудить остальных, прибрать вчерашние следы, вынести бутылки, расставить возле мусоропровода, вытряхнуть пепельницы, протереть стол, – короче, марафет. Ну, и закуп «слатенького» тоже ложился на него. Хлеб, масло, колбаса, сыр, консервы, томаты – весь изысканный набор.

Меня назначили начальником группы НК, дали отдельный закуток в ангаре №31. Вадю и Сяву приписали туда же. Мы должны были осуществлять контроль оптических и опто-электрических элементов супер-лазера, селектировать их – создавать оптимальные наборы, искать дефекты и прочее. Но главное, сосредоточить усилия на доработке параметров, обеспечивающих максимальную мощность генерации и разрушительную силу в одном, отдельно взятом импульсе.

В третьих, нас прикрепили к столовке, надо сказать, вполне приличной.

Далее оказалось, что в гражданской части объекта есть ресторан «Северное сияние», коктейль-бар «Спортивный», ка-

фе «Аэлита», пельменная «Рябинка» и пивбар «На труда». Еще пара продмагов, универсам, кинотеатр «Знамя», Дом культуры строителей и Комбинат бытового обслуживания. А еще Парк культуры и отдыха имени Клары Цеткин.

Высокое начальство жило в спецрайоне, и, как нам сказали, некоторые даже в отдельных коттеджах. Остальные проживали в «хрущевках» и «брежневках» семейного типа.

Пропускной режим, казавшийся поначалу бесконечным и безнадежным, перестал замечаться день на третий

– Ваш пропуск!

– Привет, Семеныч, как жизнь?

– Эх, разве это жизнь. Вчера посидели, голова никакая.

– Так ты это... в обед к нам подбеги, полечим.

– Парни, я отдам, ей-богу отдам, выручайте...

Вадя кайфовал не по-дещки. Спирт – этот наиважнейший продукт жизнедеятельности – имелся в неограниченном количестве. Конечно, только для тех, кто умеет из пары инструкций отжать 320 литров годовых. Он был назначен «материально ответственным» нашей группы и тут же подал по всей форме заявку на получение спирта...

Сперва заявку рассматривала Марина Николаевна из первого отдела

– Зачем Вам столько спирта?

– Для работы.

– Не несите чепухи, я не девочка!

– Марина Николаевна, я не буду приводить все безобразные выкладки, Вы их знаете не хуже меня. Скажу правду, можно?

– Можно.

– Вадик – он гений!

– И...

– Из обыкновенного дестиллятора делает такую машинку – двойной перегонки, потом фильтры грубой и тонкой очистки, немного лимонного сока...

– Хм, и как?

– Приходите сегодня на «попробовать» Это, доложу я вам, «вещь», посильнее Фауста будет.

– Давайте заявку.

Потом была Инесса Федоровна из ПЭО

– Что-о-о-о?

– Инесса Федоровна, Марина Николаевна подписала

– Знаю, она звонила уже. Не знаю, что вы ей наплели...

– Инесса Федоровна, Вы стихи любите?

– Ну... допустим, люблю. При чем здесь стихи?

– Мы собираемся кружок поэзии организовать при ДК.

– Да ладно, что, правда?

– Как на духу. Мы же не шабашники. Помните... и дольше века длится день...

– Слушайте, если я вам столько спирта выпишу, вы не то, что стихи, забудете, как маму мамой называть.

– Что в имени тебе моем... Инесса Федоровна, неужели вы думаете, что это все нам. А дни рождения, праздники, новый год? Мы-ж о коллективе!

– Ладно, убедил, давай.

Далее ее визировала бухгалтерия

– К кому можно с заявкой?

– Идите к Алене.

– Алена, здравствуйте.

– Давайте!

– Прошу.

– Не многовато?

– Алена, милая, это капля от необходимого. Буквально от всего отказались!

– Да, а где вас поселили?

– Корпус два для семейников, третий этаж

– Может и приду, если позовете...

– Для вас всегда открыта в школе дверь

И, только после всего этого, заявка вместе со мной пришла в ОМТС

– Вам чего?

– Спирту!

– Заявку давайте!

– Вот...

– Сколько, сколько!!!!

– Десять процентов ваших!

– Будем знакомы, меня зовут Анатолий Полич. Нам такие, как воздух нужны. Если че, звони сразу мне. Вижу, – вы люди серьезные, грамотные. Поставлю-ка я вашу заявочку в первоочередные. Так, счаз и штампик выправим.

За короткое время мы оказались при деньгах, относительно неплохом трехразовом питании, талонах, спирте и жилье. Чудеса, вот он – социализм в его ведущих тенденциях. Сява совершил ряд мужских подвигов с работницами кухни, комбината бытового обслуживания и даже одной дамой из бухгалтерии. Жизнь постепенно разворачивалась лицом к усталым путникам.

Квятковский

Через пару недель мы собрали три стенда, прогнали на них несколько сот образцов, отобрали самые чистые, из которых смонтировали первый твердотельный каскад. Мощность пошла вверх. Нам придали еще двух электронщиков Васю и Валеру. Они были как две капли старки – малопьющие, одного роста, одной упитанности и увлекались одним и тем же – изготовлением игровых компьютеров. Последнее увлечение давало неплохую прибавку, поскольку их компы-игрушки пользовались спросом. Но дело ребята знали.

Постепенно в нашей курилке начали появляться физики, а затем и лирики. Курнуть разок-другой, трепануться за науки, спирта занять или погонять в игрушки. Чудной народ – говорил Сява – формулы чертят на раз-два, а пить по-человечески не умеют.

Вадя, как и предполагалось, собрал двойной перегонный куб – сосуд скорби и печали, а так же установку тонкой очистки. Источник жизни получил высший бал и международное признание. В других уголках люди тоже не сиднем сидели, но наш куб и Вадины рецептура были вне конкуренции. Он гнал виртуозно, гнал, никого не допуская до прибора, только своими руками. Сява утверждал, что работая, мастер произносит заклинания, шепчет, делает таинственные

пасы, чертит пентаграммы и вообще, что-то тут от нечистого.

В конце концов, народ потребовал праздника: «Ребята, вы тут уже почти месяц, где вступительный взнос, где новоселье, нехорошо»

И правда, негоже было так долго томить научную общественность, и мы разослали приглашения на ближайшую пятницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.